

Олег Николаевич Трубачёв

Институт русского языка имени В.В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В.В. Виноградова**

IV

Этимология

МОСКВА

2015

Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 4
— М., 2015. — 468 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А.А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М.Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В.А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

А. Ф. Журавлев, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Л. В. Куркина, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Д. И. Эдельман, доктор филол. наук (Москва, Россия);
М. Н. Белова, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. М. Сергеева, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 3 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

ISSN 2311-150X

© Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2015
© Авторы, 2015

Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

IV

Etymology

MOSCOW

2015

The Journal is founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D. (Prague, Czech Republic);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Tore Nasset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);

Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Anatolii F. Zhuravlev, D.Sc. (Moscow, Russia);

Liubov' V. Kurkina, D.Sc. (Moscow, Russia);

Dzhoi I. Edelman, D.Sc. (Moscow, Russia);

Maria N. Belova, PhD (Moscow, Russia);

Olga M. Sergeeva, PhD (Moscow, Russia).

Published three times a year

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute, 2015

© by Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию Олега Николаевича Трубочёва 13

Статьи

Н. П. Антропов (Минск).

К этимологии западнополесско-белорусского
обрядового термина «Куст» 15

А. М. Белов (Москва).

Греческое *οὐθαρ* 'вымя' как просодическая проблема 51

М. Н. Белова (Москва).

Птица *патица* в болгарском языке 59

В. Блажек (Брно).

Irano-Slavica — к хронологии старых иранских
заимствований в славянских языках 70

М. М. Валенцова (Москва).

Этнолингвистический комментарий
к этимологии слова *утырь* 101

Ж. Ж. Варбот (Москва).

Русские диалектные дополнения к праславянским
реконструкциям и этимологиям VI 126

Т. В. Горячева (Москва).

К этимологии и семантике трех русских фразеологизмов 138

И. Г. Добродомов (Москва).

Из этимологических заметок о русском
семинарском жаргоне: *вздрючить* 170

Л. П. Дронова (Томск).

«Если друг оказался вдруг...» 181

Л. Кралик (Братислава).

Словац. *ľahťikár* 'легкомысленный человек' < **ľahostikár?* 197

Л. В. Куркина (Москва).

Этимологические заметки по славянской лексике 210

А. Лома (Белград).

Еще раз о призраках: во сне, наяву, в этимологии 230

О. В. Мищенко (Екатеринбург).

К этимологии др.-рус. *пуз* 243

Ш. Погвизд (Краков).

К проблеме семантического развития слав. **kaša* 259

М. Рачева (София). О древнерусских астрономических наименованиях арабского происхождения и о перипетиях их этимологического исследования	272
Л. Селимски (Катовице). Об этимологии двадцати слов. Дополнения и исправления к «Болгарскому этимологическому словарю».....	303
О. М. Сергеева (Москва). К возможности сближения праслав. * <i>cěditi</i> и др.-греч. <i>ψιδ-</i> : наблюдения над варьированием групп согласных в древнегреческом.....	323
М. Фурлан (Любляна). Праиндоевропейский корень * <i>H₂etg^h</i> - 'вязать' в славянских языках. К проблеме происхождения в плане относительной хронологии славянского отношения * <i>ǫz-</i> : *(<i>Ϸ</i>) <i>Ϸz-</i> 'вязать...'	333
А. К. Шапошников (Москва). Проблема праславянских соответствий <i>x ~ sk ~ šč</i>	364

Критико-библиографический отдел

А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 4 (боле – бтарь). М.: Знак, 2011. 328 с. Вып. 5 (буба – вакштаф). М.: Знак, 2011. 344 с. Вып. 6 (вал I – вершок IV). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с. Вып. 7 (вершь I – вняться II). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградо- ва РАН, 2012, 352 с. Вып. 8 (во I – вран). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2014, 312 с. (И. Г. Добродомов)	391
Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Складенко, О. Б. Ткаченко и др. Т 1-6-. Київ, 1982-2012 (А. Ф. Журавлев).....	403
М. Furlan. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 2013, 221 с. (Л. В. Куркина).....	422

Sebrané spisy Václava Machka, 1–2 / Ilona Janyšková, Helena Karlíková, Eva Havlová, Radoslav Večerka (edd.). Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2011 (Я. Влаич-Попович)	438
Saskia Pronk-Tiethoff. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam-New-York: Rodopi, 2013. – 316 p. (Leiden Studies in Indo-European 20) (В. Бочек).....	455

Witczak Krzysztof T. [Position of Scythian in the Indo-Iranian language homeland (part I)]. *Bulletin de la Société Polonaise de linguistique* 46 [Proceedings of the Polish Linguistic Society 46]. 1991, pp. 55–67. (In Polish).

Witczak Krzysztof T. [Scythian language: a tentative description]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues in linguistics]. 1992, No. 5, pp. 50–59. (In Russ.)

Zaliznyak Andrej A. [On the nature of language contact between Slavic and Scytho-Sarmatian tribes]. *Kratkie soobshchenija Instituta slavjanovedenija AN SSSR* [Short communications of the Institute of Slavic Studies]. 1963, Iss. 38, pp. 3–22. (In Russ.)

Zaliznyak Andrej A. [Problems of the earliest Slavic-Iranian language relations]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*, 1962, No. 6, pp. 28–43. (In Russ.)

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН

(Россия, Москва)

mvalent@mail.ru

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА УПЫРЬ

Перспективность применения этнолингвистического подхода в этимологии, особенно для архаического пласта мифологической лексики, была показана в работах О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Н. И. и С. М. Толстых и ряде др. В статье рассматривается один из терминов мифологической лексики, обозначающий «ходячего» покойника, известный всем славянским языкам — *упырь*. Дается краткий обзор существующих этимологических версий этого слова, не имеющего на сегодняшний день однозначной трактовки. Комментируется — с точки зрения традиционной славянской народной культуры — восстанавливаемая некоторыми версиями семантика слова *упырь* как «несожденного покойника», существа летающего, но «не-птицы», или «вылетающего из могилы», мифологического персонажа, который вонзается в жертву, и т. п., обсуждается также возможность заимствования термина. Предлагается еще одна версия этимологизации слова *упырь* на основе слав. **piti* (с префиксом *o-* и суффиксом *-r-*) о чем дает возможность говорить культурная семантика этого образа: (1) как существа, *выпивающего* жизненную силу (и ее субстанцию — кровь) у людей и животных, отнимающего у них жизнь и тем самым обеспечивая дополнительную жизнь себе; (2) как нечистого покойника, вечно мучимого жаждой и (3) как души умершего, еще при жизни обладавшего большим количеством энергии, чем у обычных людей.

Ключевые слова: этнолингвистика, этимология, мифологическая лексика, славянская традиционная культура.

Для установления этимологии слова необходимы исследования в самых разных областях лингвистики и филологии: в диалектологии, исторических фонетике, морфологии и лексикологии, истории языка — в том числе в вопросах языковых контактов, миграций, субстратно-адстратных отношений и т. п. Немаловажную роль в этимологических исследованиях играет этнолингвистика, то есть наука о взаимосвязи и соотношении языка с культурой и мышлением, которая помогает реконструировать древнюю семантику слова через контексты его функционирования.

Как подчеркивали в докладе на VIII съезде славистов Н. И. и С. М. Толстые, «культурно-исторический контекст, в котором реально функционирует или функционировало слово, становится дополнительным источником, а в ряде случаев и решающим критерием реконструкции исходного значения слова и направления его семантической эволюции. Перспективность такого подхода в этимологии, в особенности для архаического пласта мифологической лексики, после ряда недавних работ не нуждается в доказательстве» [Толстой–Толстая 1978: 365]. С тех пор появилось множество других работ, использующих подобный подход, см., например: [Трубачев 2004, 2005, 2008, 2009, Иванов, Топоров 1974, Иванов 1983, Топоров 2004] и др.

Сферой общего интереса этнолингвистики и этимологии продолжает оставаться мифологическая лексика. Являясь одной из центральных тематических групп для традиционной культуры, отражая мифологические представления древних славян, эта лексика уже несколько десятилетий привлекает внимание также с точки зрения этимологического анализа, см. [Трубачев 1967; Топоров 1969, 1974; Дукова 1980; Dukova 1983, 1984, 1985; Popowska-Taborska 1999; Eckert 2010; Зубов 1981, 2010; Stachowski 2005; Раденкович 2011] и др. Ряд древних мифонимов получил общепризнанное и убедительное толкование, например, *rároh / rarog* [Трубачев 1967: 64–71], **čьrtь* [ЭССЯ 4: 164–165], этимология других остается точно не установленной и продолжает пополняться новыми версиями. К последним относятся и

лексема *упырь*, первое упоминание которой в древнерусских рукописях восходит к XI в.¹

Существует более десятка этимологий термина *упырь*. Трудность этимологизации связана с большим количеством вариантов слова, в котором варьируют практически все фонемы, ср.: рус. *упырь*, *упирь* [Фасмер 4: 165]; др.-рус. *упирь*, *опыр*, *впыр*, *упыр* [Преображенский 1: 64], укр. *упирь*, *упер*, *опир*, *опирь* [ЕСУМ 6: 38], *упир*, *опир*, *опир'*, *опиер'*, *опер'*, *пир*, *упир'*, *упир*, *ўпир'*, *вопир* [Хобзей 2002: 142, 145–147], блр. *вўпар* [ЭСБМ 8: 225], *упир*, чеш. *upír*, слц. *upír*, пол. *upiór*, *wypiór*, ст.-пол. *upierz*, пол. диал. *lupiór*, *wypiór* [Machek: 669], *wapierz* [Baranowski 1981: 51], кашуб. *łupi*, *łãpi*, *opi* [Sychta 3: 30, 330], болг. *вѣпир*, *вепир*, *вапир*, *ляпир* [БЕР 1: 117], *вампыр*, *вепыр*, *вжпыр* [Геров 1: 105], *вапирин*, *вѣпер*, *вопер*, *випир*, *йепир*, *влепир(ин)*, *лепир(ин)*, *лампир*, *лемпир*, *лемптур*, *липир*, *липирь*, *упир* [Dukova 1985: 39–40], с.-х. устар. *upir*, *upirina*; серб. *вампир*, с.-черногор. *вампијер*, зетск. *лампијер*, словен. *vampir*, макед. *вампир*, *вепир*, *вопер* [Раденкович 2014]. Этимологические словари славянских языков, даже склоняясь к какой-либо определенной версии, как правило, перечисляют также и другие существующие гипотезы².

Большинство исследователей этого слова сходятся в том, что оно образовано при помощи префикса, который чаще всего этимологизируют как *o-*. Основные версии этимологии корня связывают семантику корня с разными признаками, приписываемыми упырю: **pyr-* ‘огонь, жар’ и реконструкция первичного значения как «несожженный» (покойник); **per-* ‘летать’ и сближение слов *упырь* и *нетопырь*, где префиксу *u-* (<*o*) приписывается отрицательное значение («не-птица»); **vъnъ-pirь//pyrь* с значением ‘то, что вылетает, вылезает снизу’; **pěr-* ‘втыкать, вонзять’ и попытка мотивировать

¹ Сообщая о русском приоритете в назывании упыря, «вампирические» энциклопедии подразумевают книжника по прозвищу Упырь Лихой. В словарной статье Срезневский приводит это «прозвание или собственное имя», сославшись на «Послеловие» к «Толкованию на книги пророческие» (сохранилось в рукописях XV в., но, как явствует из текста, восходит к оригиналу XI в.) [Одесский 2011: 53].

² См. [Фасмер 4: 165, Преображенский 1: 64, Аникин 2012: 42–45, Holub, Kорецьк: 403; Machek: 669, Brücker: 594, ЕСУМ 6: 38–39, ЭСБМ 8: 225, Skok 3: 564] и др. Й. Рейзек, приводя возможные праформы **орурь*, **опирь*, **упирь* и др., высказался определенно: «Неясное. Разнообразие форм и неясная мотивация наименования не дают возможность предложить убедительное объяснение» [Rejzek: 692].

название упыря его свойством «впиваться, пронзать» жертву, чтобы выпить ее кровь (добавим, что помимо активного аспекта мотивации, здесь возможно было бы и обратное направление мотивирующего действия, пассивного аспекта — пронзание колом тела самого вампира; это действие-оберег препятствовало его дальнейшему («хождению»)); предлагалась также версия заимствования корня из тюркских языков (башк., тат. *убыр* ‘злой дух, ведьма, демон’) и др. Например, П. Скок трактует слово либо как заимствование из с.-турского *ubyr*, *ubyrly* ‘ведьма, вештица’; либо из славянского корня *pir* < *per* ‘летать’ с префиксом *q* > *u* или *wat-* со значением отрицания ‘не’; также он считает слово *упырь* табуизированным названием *волколака* [Skok 3: 564]. Этимологический словарь украинского языка поддерживает версию происхождения слова *упырь* («по народным представлениям, оборотень, мертвец, который будто бы выходит ночью из гроба и сосет кровь спящих людей») из псл. **qpyr* с первоначальным значением ‘несожженный’: префикс с отрицательным значением *q-* и корень *pyr-* ‘огонь, жар; парить’. Слово, по мнению авторов, «отражает давнюю веру в очистительную силу огня и восходит к языческой практике обязательного обряда кремации; похороненный без этого обряда покойник, будто бы, становился упырем». Перечисляются в Словаре и другие этимологии данного слова [ЕСУМ 6: 38–39]. Подробный обзор всех версий с критическими замечаниями по каждой из них дан в статье польского исследователя Казимира Стаховского [Stachowski 2005].

Литература об упыре, и этимологическая, и этнографическая, огромна¹. Если соединить точки зрения этимологии и этнолингвистики, то станет заметно, что все имеющиеся версии семантически уязвимы. Признаки, на которых основываются гипотезы происхождения слова *упырь*, не являются характерными исключительно для данного персонажа. Сжигание трупа вампира как последнее и радикальное средство избавления от его вредоносного воздействия (после предшествующих действий с целью оберега от него: обсыпания маком, вкладывания в рот монеты или камня, выноса гроба через окно, пробивания груди колом, подрезания жил на ногах, переворачивания

¹ См., напр., [Левкиевская 1995: 281–286 (там лит.)], [Спировска, Вражиновски 1988], [Плотникова 2004: 212–218, 634–645]; [Новичкова: 547–551]; [Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska: 277–278]; [Dźwigoł 2004]; [Baranowski 1981]; [Раденковий 2009, 2014]; [Лукинова 1983]; [Трубачев 1994] и др.

вниз лицом и т.п.), не специфично для борьбы с его «хождениями»; это универсальный способ уничтожения опасных или нежелательных предметов и явлений и в похоронной, и в календарной, и в окказиональной обрядности (см.: [Виноградова 2012: 371–373]). Говорить об обязательном в языческие времена у славян обряде кремации также следовало бы осторожно, поскольку обряд кремации не был повсеместным: согласно археологическим данным, наряду с трупосожжением фиксируется и достаточно раннее трупоположение, иногда в одном и том же могильнике¹. На то, что сжигание трупов опасных покойников было лишь одним из способов защиты от вампиров, притом совсем не самым частым, указывает и К. Стаховский [Stachowski 2005: 77]. Мотив «надувания» мертвеца от выпитой крови характерен преимущественно для южнославянских традиций, при этом вампир представляется в виде кожаного мешка, наполненного кровью жертв. Сомневается в том, что это качество — ‘надутость’, отраженное в **pir-*, было настолько важным, чтобы дать название мифологическому персонажу, и польский исследователь [Stachowski 2005: 76]. Связь вампира с птицей вообще чрезвычайно редка: одно из таких немногочисленных свидетельств, приведенное ниже, показывает, что эта связь формальна и типологически принадлежит к другой сфере: она отражает мотив опасности зрения (также и голоса) «заложных» покойников и вообще нечистой силы²; требование сюжета «заставляет» вампира забираться на колокольню или превращаться в птицу, чтобы с высоты как можно дальше увидеть (или «покрыть» голосом) и тем самым убить как можно больше людей. Мотив полета души ведьмы (или *двоедушника*, *моры*, покойника и под.) в виде птицы

¹ «Область расселения славянской культурно-племенной группировки, представленной пеньковской керамикой, выделяется тем, что здесь вместе с погребениями по обряду кремации бытуют и трупоположения, причем обычно на совместных могильниках» [Седов 1996: 69]. Очень скоро обряд кремации умерших в ареале расселения славян, представленный пеньковской керамикой, был вытеснен ритуалом трупоположения. В IX–X вв. безраздельно уже господствовал обряд ингумации [там же: 70]. Впрочем, такое же колебание между обрядами погребения (ингумации или кремации) наблюдается и в этнической истории других европейских и не европейских народов.

² Ср.: “Najwięcej ludzi umiera, gdy za sprawą upiора zwonē same jidq Sy III 330, IV 25 (por. gluż. *zwony du* ‘dzwonia’ Trof 455), ponieważ jak daleko slychaē ich glos, tak daleko ludzie umieraja” [Больше всего людей умирает тогда, когда после смерти упыря колокола сами начинают звонить (ср. в.-луж. *zwony du* ‘звонят’), поскольку везде, куда доносится звон колоколов, умирают люди] [Treder 1989: 85].

или бабочки¹ не может быть использован в качестве семантического аргумента, поскольку направление мотивации в данном случае обратное: энтомологические названия мотивированы именами мифологических персонажей, а не наоборот, см. [Vážný 1955].

Одной из наиболее разработанных выглядит гипотеза о заимствовании рассматриваемого термина из тюркских языков, выдвинутая еще в начале XX в. и позже обоснованная К. Стаховским. Автор говорит о заимствовании термина *уныр* в славянские языки дважды, из двух разных источников: (1) на севере — в восточнославянские языки из кыпчак. **opyr* ≈ **upyr* ‘ведьма, злой дух; обжора’ (> тат. *ubyr* ‘оборотень, волколак; способный превращаться; обжора’), а оттуда в западнославянские языки; (2) на юге донором стал болгарский: чуваш. *văBär, voBär, vuBär, vyBär* ‘злой дух’, ‘ведьма’ > болг. *vъpir, vapir, vepir* ‘упырь’, а оттуда в другие южнославянские языки [Stachowski 2005: 84–85]. Известно, что для болгар и чувашей всех периодов их этнической истории был характерен обряд ингумации [Дроздова 2007], у славян — кремации, постепенно заменяемый ингумацией. Этот факт дает возможность, если данная гипотеза верна, трактовать первоначальное значение слова *upyr* как ‘некремируемый покойник неславянского (тюркского) происхождения’, который, согласно значению в языке-доноре, считался ‘ведьмой, ведьмаком, злым духом, оборотнем’. Идею заимствования поддерживает и тот факт, что, как отмечает автор, А. Вайан считал идею вампиризма у славян второстепенной, вторичной и достаточно поздней [Stachowski 2005: 83]. С точки зрения культурологии гипотеза не вызывает возражений. Заимствованием объяснялось бы и большое фонетическое разнообразие форм. Остаются только не очень понятными хронологические рамки предполагаемого заимствования по «северному пути» (для южного, вероятно, подразумевается время около 7 в. н. э., когда болгары мигрировали на Балканы), а также вызывает некоторое сомнение объяснение польской формы *wampierz* (с *-m-*). Как аргумент используется «появление на славянской почве неэтимологического *-m-*» («либо ошибочная народная этимология») [Stachowski 2005: 84] как для северного, так и для южного пути заимствования: «слово распространилось на Балканы и еще на территории болгарского языка или позже обогатилась неэтимологическим *-m-*» [Stachowski 2005: 85].

¹ Ср., напр.: болг. *мора*, душа ожившего нечистого мертвеца, летает в виде птицы и бабочки, мучит спящих, высасывает кровь, как вампир [БМ: 219].

Не объяснено также, как из чувашской лексемы *văBär* и под. с произносимым корневым *b* (в интервокальной позиции) получилось *p*, отраженное во всех славянских формах.

Считается, что к гипотезам о заимствовании стоит обращаться лишь при невозможности этимологизировать лексему на славянской почве. Поэтому, наверное, стоит предпринять дополнительные попытки для поиска этимона в славянском.

Каждая из предлагавшихся этимологий имеет как сильные, так и слабые стороны — и в фонетике, и в семантике; все они (кроме гипотезы о заимствовании) для подтверждения семантической истинности использовали какое-либо качество или функцию вампира (порой маргинальную), вырванную из цельного образа. Представляется, что для успешной этимологизации помог бы целостный анализ этого образа во всем его многообразии с вычленением его дифференциальных признаков — причем с учетом всех славянских традиций — то есть тех признаков, которые, несмотря на обилие отклонений и вариаций в трактовках этого персонажа, делают вампира вампиром, т.е. конституируют этот образ.

Обширный корпус этнолингвистических данных дает возможность вернуться к гипотезе, возводящей название *унырь* к глаголу **piti* ‘пить’ < **pōi-/pī-* [Фасмер 3: 269], предложенной еще А. Н. Афанасьевым в труде «Поэтические воззрения славян на природу». Гипотеза эта, однако, не получила признания и дальнейшего развития по понятным причинам: слабая этимологическая база и очень мифопоэтическая, уходящая в непроглядную даль ассоциаций, связь «ходячего» покойника со змеем-смоком, великаном Опивалой и далее с природным грозным демоном, «который сосет тучи и упивается дождевою влагою» [Афанасьев 1994: 565 и далее]. Вместе с тем суть персонажа была подмечена верно. Говоря о том, что слово удовлетворительно не объяснено, Афанасьев указывает, что «исследователи сближают его с литовским *wempti* — пить (*alu wempti* — потягивать брагу, *wempti, wampiti* — ворчать, бурлить, бормотать) или производят от корня *pī-* (пить) с приставкою *y=av, va*. Если принять это производство, то вампир будет означать опойцу, существо, которое впивается в живое тело и сосет из него кровь, как пьявка» [Афанасьев 1994: 563]. Действительно, в литовском глагол *wempti, -ia, -ė* означает ‘пить’, но с отрицательными коннотациями: ‘жадно, большими глотками пить, хлестать’; глагол *wampyti, -ija, -ijo* — ‘лягать, визжать

(о собаке) и 'ворчать, бормотать (о человеке)' — по происхождению звукоподражательный, ср. оноματοпеическое *vámpt* — 'гав, бах, плюх, бац' [LKŽ]¹, которое могло бы быть использовано для характеристики жадного и шумного питья. Литовские лексемы в лучшем случае объяснили бы происхождение форм с начальным *вам-* (*vampir*), в частности, польскую форму *wampirz*, но не формы *upir* / *opir*.

Безусловно, объяснение имеющихся славянских форм при этимологизации имени вампира фонетически и морфологически довольно трудно. Само многообразие форм можно было бы объяснить длительной историей существования слова, огромной территорией его распространения и смешением его с другими, близкими по звучанию корнями (при условии, что это не противоречило характеристике персонажа, напр., с корнем **pěr-* (поскольку вампир впивается, вонзается, вгрызается в жертву)², законами развития отдельных славянских языков, воздействием на них соседних неславянских языков (возможно, колебания *и / ы* в корне или отвердения конечного согласного в рус. и укр. *упирь* / *упырь* связано с влиянием татар. *убыр*), и т.п. Хотя для объяснения чередования корневого гласного (*и / у*) и мягкости / твердости следующего за ним согласного *r* можно и не прибегать к привлечению иноязычного материала, поскольку, эти явления достаточно широко представлены, например, в русских говорах, ср.: *дыра* 'дыра' (перм., вят., волог., костр., с.-двин., арх., яросл., моск., тул., орл., брян., тамб., дон.), а также *дырка* и *дырька* 'дырка' (Слов. Акад. 1847, пск., смол., волог., орл., ворон., краснодар., брян., курск., калуж., тамбов.) [СРНГ 8: 66].

Чередование в анлауте в славянских диалектах (*упир* / *опир* / *въпир* / *ватир* / *лепир* / *орі* / *ѡрі* / *ѡри* / *ѡри* / *гофе* и т.п.) можно объяснить фонетическим переходом *q-* в *у-*(*nup*), из которой затем делабилизацией в *о-*(*nup*); протетическим начальным *wll/у* (пол. диал. *wopirь*, *ѡри*, *лупи*). Реже протетическими согласными выступают звуки *h, r*: пол. диал. *hąpi*, *ropi* < *opi*; *wupiór*, *lupir* < *upiór* [Санни-

¹ Благодарю за помощь с переводом литовских слов доц. Юрате Любене из Клайпедского университета, Литва.

² Напр., бел. *вупар* объясняют как контаминацию слов *упыр* 'кровосос, вампир' и *упірацца* 'упрямиться' [ЭСБМ 8: 225]. Ср. аналогичный случай в ряду мифологических имен: «Напр., *намной* — дух, который наваливается во сне и оставляет синяки на теле, что является предвестием несчастья (яросл.). Другой вариант этого персонажа — *навной* (калин.) — позволяет установить связь со словом *навь* (*навье*) 'мертвец, покойник'» [Черепанова 1983: 49].

кова 1990: 95]. Возможно и оноματοпеическое объяснение начального *l-* как возникшего под влиянием слов, изображающих шаги и голос вампира: пол. *lup, lup, lup* [Porowska-Taborska 1999: 374], лит. *vámpt*. Не исключены в некоторых случаях и семантические причины изменения префикса, ср. напр. в рус.: *о(б)пился, утпился, выпил*. В словацком, например, формы с префиксом *u-* регулярны: словац. *upit' sa* 'упиться' *upit' si* 'отпить чего' [VSRS 5: 231], обычны они и для чешского: *upiti, n* — das Abtrinken = *napiti, opilost'*, die Trunkenheit; *upijeti* — odpiti, ab-, wegtrinken; *opiti, betrinken*, berauschen; *pitím přemoci*, jemanden übertrinken. Jg. *Sv. Lucie noci upije* (od 13/12. dne již neubývá), an Lutze thut der Tag stutze... [Kott 4: 383] (последняя календарная паремия хорошо известна и словакам).

Этимологизацию на основе **piti* обуславливают семантика слова *упырь* и значение его денотата — образа демона — в славянских поверьях. Обычно названия, и особенно названия (имена) мифологических персонажей, даются на основании характерных для них признаков, функций, мест обитания и т.п., причем таких, которые наиболее релевантны для данного типа культуры или традиции. Один и тот же персонаж может получать несколько таких имен даже в одной этнической традиции (например, о.-слав. *mora* в Словакии называется *mora, tara, mura*, а в северных горных регионах — *hnetuch, sedlisko* — по характерному действию «гнести, давить» и «садиться на грудь, наваливаться на человека»; все эти названия синонимичны в данном контексте и отражают основную функцию *моры* «давить во сне»). В названии вампира также ожидалось бы отражение сущностных характеристик этого демона.

В традиционной культуре славян *упырь* — нечистый покойник, встающий из могилы и сосущий кровь и молоко у людей и животных, то есть жидкую субстанцию, являющуюся и реально, и символически их жизненной силой (ср. выражение о здоровом человеке: *кровь с молоком*). Эта субстанция дает вампиру дополнительную жизнь после смерти, в то время как донор чахнет, сохнет и умирает. Ср. текст, записанный в восточной Словакии: *Ked' telo nezmeravie po smrti, mrtvý chodí dobytok piť. Vracajúci sa mŕtvy cicía krv dobytku, takže tento zdochne.* <...> *Ked' sa premení na vtáka, koľko dedín "zapatrí" (zazre), všetky sú jeho a spija všetko* [Если тело не застынет по смерти, то мертвый ходит скот пить. Возвращающийся мертвец сосет кровь у

скота, отчего тот дохнет. <...> Когда он превратится в птицу, сколько деревень увидит — все его, и выпивает всё] (Вышне Ревитше, окр. Собранце — АТ Ёт ě. 50, зап. J. Mjartan, 1949). В другом тексте, датируемом 1823 годом, из с. Наштице (окр. Угровец, Западная Словакия), рассказывается, что крестьянин нашел и принес домой ребро мертвого человека, и с этих пор дом стал несчастным: мертвец постоянно ходил просить обратно свое ребро, которое между тем потеряли и не могли вернуть; в конце концов мертвец извел и людей, и скот, или, «лучше сказать, всех выпил до смерти» (*Lepšie povedané, všetci sa upili na smrt'*) [Horváth 1968: 111]. Можно сказать, что упырь «заедает» или «выпивает» чужой век (в народной культуре еда и питье нередко синонимичны). Последняя быличка отличается тем, что *вампир* здесь не материализованный покойник, пьющий кровь, а дух, «выпивающий» жизненную силу живых людей.

В основе образа упыря лежит один из древнейших концептов архаического сознания, связанный с выживанием, борьбой за выживание — это магическое действие отбирания или кражи «благополучия». В понятие «благополучие» входят: здоровье, богатство (включая урожай на полях и приплод скота), счастье (то есть любовь и удача), и сама жизнь. Лишение этих благ в культуре нередко кодируется глаголами *пить*, *выпивать*, *высасывать* (см. [Валенцова 2009: 56–57]). Агентами «отбирания» могут быть как люди со сверхъестественными способностями, так и боги и демоны. Мотив этот очень древний, его можно найти в легендах о проглатывании (выпивании, высасывании) солнца змеями [Гура 1997: 283] или волколаками (мотив А12 — Березкин) — мотивах, известных не только славянам, но и другим народам мира. По белорусским представлениям, «грзючыся на сонцы і лежачы ў ценю, змеі звычайна *смокчуць яго*, з-за чаго сонца летам паступова памяншаецца і зноў адрастае за зіму, калі змеі не бачаць яго [Васілевіч 1996: 136]. В человеческом обществе похищаются жизненные ценности: ведьма *тянет, высасывает* (=отбирает) молоко у коров (в.-слав.), в том числе собирая до рассвета на полотно росу с чужого поля, затем давая *выпить* своей корове; у выдаиваемой ведьмой коровы пересыхает вымя, она чахнет и погибает (рус. — [Власова 1995: 73]); ю.-слав. летающий змей *ламя высасывает воду* из озер, вызывая засуху (болг.), у сербов дракон *аджаја*, приводящий тучи и град, защищает свое село от града, если его *поить* молоком [Плотникова 2004: 670], он же *выпивает* урожай (макед. —

там же: 231); молоко у рожениц пропадает, потому что его *выпивают* вредоносные демоны (ю.-слав., з.-слав.); *огненный змей*, прилетая к девушке или женщине, сосет у нее кровь или молоко из груди (рус., карп.-укр. — [Левкиевская 1999: 333]); «змії як літи до жінки, так він *пий й суше*» (укр. харьков. — [Демич 1912: 43]); души умерших супругов могут приходиться к оставшимся в живых и *иссушать* их до смерти; по южнославянским поверьям, души некрещенных детей (*навје, навђе*) *выпивают* кровь у новорожденных и кровь и молоко рожениц («ее *выпили* навјата» — [Плотникова 2004: 241, 690]) и под. Ср. также сохранившиеся в языке выражения с отрицательными коннотациями: *птицы пьют зерно* (клюют зерно на полях), *выпить* (*высосать*) *всю кровь* (*все силы*) (о принудительном лишении человека силы); *пить глазами* (жадно разглядывать); *выжать все соки*, вплоть до поэтического есенинского «пускай ты *выпита* другим...».

Как и другие мифологические персонажи (мора, ведьма, волколак), вампир лишает людей и животных жизни, высасывая кровь, которая трактуется в народной культуре как основная жизненная субстанция (о концепте *кровь* — см. [Белова 1999: 677–681]). Вместе с тем, функция кровососания является отличительной (персонажеобразующей) для вампира, в то время как для остальных перечисленных выше демонов она вторична. Ср., например, кашубский вариант имени упыря *opól, џepól* ('*upiór*' — [Dźwigoł 2004: 65], со ссылкой на [Sychta 3: 333]) — как форму с возможным влиянием лексемы *пить* (досл. 'упил', 'выпил').

Другой семантической составляющей образа упыря является вера в то, что умершие вообще, и особенно умершие преждевременной и неестественной смертью (утопленники, висельники, опойцы) — страдают от жажды. Поэтому у славян в рамках похоронной и поминальной обрядности широко распространена практика оставлять для душ умерших питье в доме, на окне, во дворе, на могиле, поливать могилу водой, вином. Такие свидетельства многочисленны у восточных и южных славян (см. [ПА ИСЛ РАН], [Плотникова 2004: 606, 607]; [Зечевић 1981: 131] и др.), у западных славян они в определенной степени нивелированы церковными запретами.

Упырь как «нечистый» покойник тоже принадлежит к жаждущим. Например, у сербов для того, чтобы покойник не стал вампиром, пока он находился в доме, вливали в рот немного теплого красного вина, а тело поливали вином. Отмечен и обычай поливать могилы неразбав-

ленным красным или розовым вином, что имело значение кровной жертвы [Зечевіћ 1981: 131].

Немаловажно при этом, что упырь-вампир обладал бóльшим количеством жизненной энергии от рождения, поэтому его связь с земным миром была сильнее и длительнее. Вампирические свойства приписывались людям со сверхъестественными способностями и с особыми приметами (ведьма, колдун, лекарь, «двоедушник»; ребенок, родившийся с зубами или «в рубашке»); душам людей, не доживших свой век; покойникам, похороненным с нарушением правил (например, через тело переступил человек, перепрыгнуло животное, перелетела птица; над телом передали какой-либо предмет — с магической точки зрения, такому покойнику сами живые по ошибке «передали» жизненную силу, отчего он начинал «ходить», то есть «жить»).

С этнокультурной и семантической точек зрения *упырь* — это тот, кто после физической смерти *упивается* (выпивает, отпивает, наливаются, наполняется) кровью или другой жизненной субстанцией, отбирая ее у живых, тем самым получая дополнительную жизнь.

В связи с тем, что основным предикатом образа упыря является питье, высасывание крови, можно предположить наличие в рассматриваемом слове корня *-pī-* ‘пить’ с суффиксом *-rь / rь* (аналогично, например, образованию слов **pir < *pi-ti, *žir- < *ži-ti, *mir- < *mei-ti; *mar- < *ma-niti, *ma-miti*) и с префиксом **q-* или, в некоторых случаях, без него, ср. карп.-укр. *nip* ‘чарівник’ [Хобзей 2002: 142].

Безусловно, предложенная этимология требует основательной проработки, объяснения всех фонетических и др. изменений в различных наименованиях вампира. Вместе с тем, эта версия объяснила бы возможность использования лексемы *упир(ь)* в качестве имени собственного: *Упир Лихой, Клим Упир* [Хобзей 2002: 142], которое трактовалось бы как прозвище «Опивала». Впрочем, остается релевантной и возможность этимологизации слова *упырь* как заимствования из тюркских (*ubur*), у которого позже на основе фонетического сходства возникла семантическая связь с глаголом *пить*, и которое далее было включено в орбиту народных представлений о заложенных покойниках с их вечной жаждой и представлений о выпивании как одного из способов отбирания благ.

Обращение при этимологических исследованиях к этнокультурному контексту, использование этнолингвистического подхода к семантической реконструкции представляется весьма плодотворным.

Взаимодействие этимологии с этнолингвистикой не только естественно, но во многих случаях и необходимо, в первую очередь тогда, когда предметом исследования является культурная лексика.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Т. 3. М.: Индрик, 1994. 840 с.

Белова О. В. Кровь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 677–681.

Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

Валенцова М. М. Пить, питье // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 55–59.

Васілевіч У. Зямля стаіць пасярод свету: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Кніга 1 / Укладанне, прадмова, пераклад, бібліяграфія У. Васілевіча. Мінск: Мастацкая літаратура, 1996. 591 с.

Виноградова Л. Н. Уничтожение ритуальное // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 371–373.

Власова М. Н. Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Геров Н. Рѣчникъ на бльгарский языкъ / Събралъ, нарядилъ и на свѣтъ изважда Найдень Геровъ. Т. 1. Пловдив: Дружествена печатница «Съгласие», 1895. 398 с.

Демич В. Ф. О змѣѣ в русской народной медицинѣ // Живая старина. Годъ XXI. Вып. I. 1912. С. 39–60.

Дроздова Г. И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI—XIX веков по археологическим и этнографическим материалам. Дисс. ... канд. ист. наук / Институт истории им. Ш. Марджани, Нац. центр археологич. иссл. Казань, 2007. 307 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/pogrebalny-i-obryad-narodov-volgo-kamya-xvi-xix-vekov-po-arkheologicheskimi-i-etnograficheskimi>

- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Дукова У. Названия на демонични същества от общослав. *mor-* в българския език (*Морá, Морáва, Мара, Мáрен, Марóй, Марóки*) // Език и поетика на българския фолклор. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1980. С. 108–113.
- Зечевић С. Митска бића српских предања. Београд: Вук Караџић, Етнографски музеј, 1981. 227 с.
- Зубов Н. И. О теониме Мокошь // Этимологические исследования. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 149–160.
- Зубов М. І. Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів // Мовознавство. 2010. № 2-3. С. 113–123.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. 197 с.
- Левкиевская Е. Е. Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 281–286.
- Левкиевская Е. Е. Змей огненный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 332–333.
- Лукинова Т. Б. Лексика слов'янських мов як джерело вивчення духовної культури давніх слов'ян // ІХ Міжнародний з'їзд славістів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. Київ: Наукова думка, 1983. С. 95–103.
- Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб: Петербургский писатель, 1995. С. 547–551.
- Одесский М. П. Упыри в древней книжности: из комментария к словарю И. И. Срезневского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. №1 (43). С. 53–60.
- Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1949 (фототипическое переиздание: 1959). 674 + V с.
- Раденковић Љб. Вампир-вукодлак-върколак // Моћ књижевности.

In memoriam Ана Радин. Балканолошки институт САНУ. Посебна издања. Књ. 110, Београд. 2009. С. 279–286.

Раденковић Л. Об одном иранизме на Балканах: *пери 'фея'* // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 318–325.

Раденковић Л. «Ходячий» покойник в духовной культуре славян // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования, Вена, 11–13 декабря 2013. (в печати).

Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. 378 с.

Седов В. В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V — VII вв. // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 15–115.

Спировска Л., Вражиновски Т. Вампирите во македонските верувања и преданија. Подготвиле Лепосава Спировска, Танас Вражиновски. Скопје: Нова Македонија, 1988. 101 с.

Толстой Н. И., Толстая С. М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. (Лингво-этнографический аспект) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Загреб — Любляна, сент. 1978 г. М.: Наука, 1978. С. 364–385.

Топоров В. Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология 1967. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24–31 января 1967 г. М.: Наука, 1969. С. 11–22.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.: Наука, 1967. С. 3–81.

Трубачев О. Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3–15.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В двух томах. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.

2005. Т. 2. 664 с.; М.: Рукописные памятники древней Руси, 2008. Т. 3. 800 с.; М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. Т. 4. 696 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс. Т. 1–4. Изд. 2, стереотипное. М., 1986–1987.

Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 169 с.

Baranowski B. W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981. 323 s.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1993. 806 s.

Dukova U. Gemeinsame Termini in der Folklore der Balkanvölker (Euphemistische Bezeichnungen der Bergfeen und von ihnen hervorgerufener Krankheiten). // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXIII, 2. София: Издателство на БАН, 1980. С. 5–12.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Aus dem Indoeuropäischen Ererbte Bildungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVI, 4. София: Издателство на БАН, 1983. С. 5–46.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Urslavische, südslavisch-dialektale und innerbulgarische Bildungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVII, 2. София: Издателство на БАН, 1984. С. 5–50.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Entlehnungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVIII, 2. София: Издателство на БАН, 1985. С. 5–62.

Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004. 224 s.

Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava, 1995. D. 2. S. 277–278.

Eckert R. Werwolf und Hochzeitgeschehen im russischen und lettischen Volkslied // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 2010. R. 79. Sešit 1. S. 31–40.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Státní nakladatelství učebnic, 1952. 675 s.

Horváth P. Zbierka ľudových povier a zvykov z okolia Uhrovcu z roku 1825 // Slovenský národopis, 1968, №1. S. 102–118.

Kott F. St. Česko-německý slovník. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Františka Šimáčka, 1884. D. 4. T–Y. 1255 s.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. (Fotoreprint 3. vyd. 1971 r.). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. 868 s.

Popowska-Taborska H. Kłopoty ze słowiańskim upiorem // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. Москва: Индрик, 1999. С. 373–378.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Český Těšín: Leda, 2001. 752 s.

Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Suradivao V. Putanec. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. Т. 3. 695 s.

Stachowski K. Wampir na rozdrożach. Etymologia wyrazu *upiór* — *wampir* w językach słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. Т. LV, 2005. S. 73–92.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1970. Т. 3. 433 s.

Treder J. Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym). Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej oraz Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Wejherowskiej, 1989. 312 s.

Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava: Slovenská Akadémia vied, 1955. 338 s.

Сокращения

AT ÚEt — Archiv textov Ústavu Etnológie SAV, Bratislava.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002. Т. 1–20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lkz.lt> (Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008)).

VSR5 — Veľký slovensko-ruský slovník. Большой словацко-русский словарь. Bratislava: Veda, 1995. 487 s.

БЕР — Български етимологичен речник / Ред. Вл. И. Георгиев. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971. Т. 1. 681 с.

БМ — Българска митология. Енциклопедичен речник / Составител А. Стойнев. София: Издателска група 7-М+ЛОГИС, 1994. 399 с.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. В семи томах. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 634 с.

ПА Исл РАН — Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва.

СРНГ 8 — Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1972. 370 с.

ЭСБМ 8 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. Т. 8. 270 с.

ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 235 с.

Marina M. Valentsova

Institute for Slavic studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

mvalent@mail.ru

ETHNOLINGUISTIC COMMENTS ON THE ETYMOLOGY OF THE WORD UPYR'

Instructivity of the ethno-linguistic approach to etymology, especially when dealing with the archaic mythological vocabulary, has been shown already in the works of O. N. Trubachev, V. N. Toporov, V. V. Ivanov, N. I. Tolstoy and S. M. Tolstaya and others. The article considers a term of the mythological vocabulary denoting the "walking" deceased, known to all Slavic languages – *upyр'* 'ghoul'. The study gives a brief overview of the existing etymological variants of this word, which has no unambiguous interpretation as of yet. It also comments — in terms of traditional Slavic folk culture — on the semantics of *upyр'* as an 'unburned deceased', or a flying but 'non-bird' creature, or the one 'flying up from the grave', or a mythological character who sticks into the victim, etc; as restored by some etymologists. A possibility of the term being borrowed is also discussed. The article offers another etymological interpretation for *upyр'* based on the verb **piti* 'to drink' with a prefix *o-* and a suffix *-r-*). This version is eventual due to the cultural semantics of this

mythological character: (1) as a being who drinks up vital force (and its substance, blood) of humans and animals, robs them of life and thereby gains extra life for him-/herself; (2) as an unholy, ever-thirsty dead and (3) as a ghost of a deceased one who possessed during his/her lifetime a greater amount of energy than an ordinary human.

Key words: ethnolinguistics, etymology, mythological vocabulary, Slavic traditional folk culture.

References

Afanasiev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [The Poetic Outlook of the Slavs on Nature]. In 3 volumes. Vol. 3, Moscow, Indrik Publ., 1994. 840 p.

Anikin A.E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 6, Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p.

Archív textov Ústavu Etnológie SAV [Archive Texts of the Slovak Academy of Sciences]. Bratislava.

Baranowski B. *W kręgu upiorów i wilkołaków* [Among vampires and werewolves]. Łódź, Wydawnictwo Łódzkie Publ., 1981. 323 p.

Belova O.V. [Blood]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, Vol. 2, pp. 677–681. (In Russ.)

Beriozkin Yu.Ye. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [Subject classification and areal distribution of folk and mythological themes. An analytical catalogue]. Available at URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> [accessed 3.05.2014].

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej Publ., 1927. 806 p.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol.1, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971. 681 p.

Cherepanova O.A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1983. 169 p.